

А. В. КУБАСОВ

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

ORCID ID: 0000-0001-9074-1133

УДК 821.161.1-32(Чехов А. П.)
DOI 10.26170/2306-7462_2021_04_07
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,44

СТРАХ БОЛЕЗНИ У А. П. ЧЕХОВА: ТИФ И ОБРАЗ ТИФА¹

Аннотация. Исследовательская задача автора статьи заключается в осмыслении различий болезни как таковой и образа болезни в эпистолярном наследии А. П. Чехова и в его творчестве на примере тифа. Писатель длительное время боялся умереть от этой инфекционной болезни, но пытался преодолеть свой страх, изживая его, прежде всего, в своих произведениях. Прослеживается трансформация образа тифа, начиная с ранних рассказов А. П. Чехова и заканчивая поздними. Отмечается роль иронии как одного из средств возвышения писателя над страхом смерти от тифа. Анализируется рассказ «Тиф» (1887), который композиционно строится на основе этапов этой болезни. Делается вывод о диффузии медицинского и художественного дискурсов при определяющей роли художественного. Обосновывается важная для А. П. Чехова ценность внутренней свободы человека, которая предполагает преодоление любого страха, в том числе страха смертельно опасной болезни.

Ключевые слова: медицинский дискурс; болезнь; образ болезни; тиф; ирония; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные образы; эпистолярный; эпистолярное наследие.

По оценкам Всемирной организации здравоохранения, в мире ежегодно возникает более двадцати миллионов заболеваний тифом, при этом число смертельных исходов превышает двести тысяч [Бобин 2005: 3]. Эпидемии тифа были обусловлены, как правило, неблагоприятными событиями в жизни того или иного общества. Б. Л. Черкасский, член Комитета экспертов ВОЗ, в предисловии к книге чешского исследователя тифа М. Даниэла «Тайные тропы носителей смерти» перечисляет периоды в истории России, отмеченные подъёмом сыпного тифа: «... в 1892 г., когда был известный в России голодный год; в 1901–1902 гг., когда возникли экономический кризис и безра-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект «Русские писатели и медицина: биографические и литературные “пересечения” (1820–2020)» (№ 21-18-00481, ИРЛИ РАН).

ботица; в 1905 г., как одно из последствий русско-японской войны; в 1908–1909 гг., когда возникали тюремные эпидемии во время господства реакции; наконец, в 1918–1923 гг. – в годы гражданской войны и интервенции, сопровождавшихся глубоким расстройством народного хозяйства страны. На эти же годы приходились и эпидемии возвратного тифа» [Даниэл 1990: 6-7].

Врачи всегда были на переднем крае борьбы с инфекционными болезнями. В. В. Сутугин, открывая в 1893 году V съезд русских врачей, назвал число потерь среди них: «В течение последних трех лет врачам пришлось выдержать борьбу с двумя довольно распространившимися эпидемиями: сыпного тифа и холеры. <...> 16 врачей и 3 студента умерли от холеры, 60 врачей и 2 студента от сыпного тифа. К сожалению, нет точной статистики числа врачей, болевших и выздоровевших от означенных болезней» [Труды V Съезда 1894: 1-2]. Писатель и врач В. В. Вересаев свидетельствует: «В 1892 году половина всех умерших земских врачей умерла от сыпного тифа» [Вересаев]. Абстрактные числа воспринимаются по-другому, когда речь переходит от них к конкретным людям. В 1894 году умирает от сыпного тифа отец писателя, врач Викентий Игнатьевич Смидович [Traunmüller 2010: 8]. Товарищ А. П. Чехова по гимназии и выпускник медицинского факультета Московского университета Д. Т. Савельев закончил свою жизнь «типично для земского врача: он умер от сыпного тифа, заразившись во время эпидемии» [Шубин 1982: 67].

Доктору А. П. Чехову счастливо удалось избежать заболевания тифом и холерой, но как человеку ему были присущи свои страхи и фобии. В современной медицине эти понятия различают. В Международной классификации болезней десятого пересмотра фобические тревожные расстройства, имеющие индекс F-40, определяются следующим образом: «Группа расстройств, при которых единственным или преобладающим симптомом является боязнь определенных ситуаций, не представляющих текущей опасности. В результате больной обычно избегает или страшится таких ситуаций» [МКБ-10]. Иначе говоря, *фобия* во многом носит иррациональный, навязчивый, патологический характер. Понятие *страха*, при всей близости его к фобии, не

обладает интенсивностью выражения этих признаков и не включено в международную классификацию болезней. Переходя с медицинского уровня на лингвистический, можно сказать, что лексема *страх* является гиперонимом по отношению к *фобии*. Между ними не всегда можно провести отчётливую демаркационную линию.

У А. П. Чехова в определённом возрасте возник и достаточно долго продержался страх тифа, который отразился в его творчестве и в переписке. Временами этот страх принимал характер тревожно-фобического расстройства.

Следует различать собственно тиф и образ тифа, который возникает в творчестве писателя. А. П. Чехов-врач имел дело с болезнью как таковой, с неким объективным явлением, тогда как Чехов-художник – с создаваемым им самим словесным *объективированным образом болезни*, креативным по своей природе, а потому обладающим определённой художественной семантикой, символикой и телеологией. В переписке А. П. Чехова с разными адресатами говорится о реальном тифе, тогда как в творчестве создаётся образ тифа, необходимый для движения сюжета, характеристики героя, создания определённого тона.

Первое упоминание тифа у А. П. Чехова встречается в его письме Н. А. Лейкину от 10 декабря 1883 года: «Я крайне утомлен, зол и болен. <...> Три дня на прошлой неделе провалялся в лихорадке. *Думал, что тифом от больных заразился, но, слава богу, миновала чаша*» (П. 1, 91-92)¹. Здесь косвенно выражен страх заразиться тифом. Он характеризуется лишь как возможная болезнь, чреватая смертельным исходом.

В феврале 1885 года о заболевшем тифом приятеле сухо общается: «У моего Коробова сыпной тиф» (П. 1, 143). Зимой 1886 года А. П. Чехов продолжает совмещать врачевание с творчеством. «В 1885–1886 годах в Москве и под Москвой прошла эпидемия тифа. По статистическим данным, опубликованным в “Известиях Московской городской думы” (М., 1886, вып. 1 и 2), только в феврале от тифа умерло 137 человек» (П. 1,

---

¹Здесь и далее цит. по: [Чехов 1983–1988] с указанием тома и страницы в тексте статьи. Серия писем отмечена П, сочинений – С. Курсив везде мой. – А. К.

420). Живущему в Петербурге В. В. Билибину А. П. Чехов сообщает в это время: «Пишу и лечу. В Москве свирепствует сыпной тиф. *Я этого тифа особенно боюсь*. Мне кажется, что, раз заболев этой дрянью, я не уцелею, а предлоги для заражения на каждом шагу... Зачем я не адвокат, а лекарь?» (П. 1, 203). В этом письме впервые прямо выражен страх смерти от тифа, который будет преследовать писателя. В другом письме В. В. Билибину страх добавочно обоснован смертью товарищей: «В Москве свирепствует тиф (сыпной), унесший в самое короткое время *шесть* (выделено А. П. Чеховым – А. К.) человек из моего выпуска. *Боюсь! Ничего не боюсь, а этого тифа боюсь...* Словно как будто что-то мистическое...» (П. 1, 214). Выделим в этом фрагменте слово *мистическое*. А. П. Чехов понимает, что смерть врача может случиться от множества самых разных причин, но именно страх тифа преследует его, являясь, по сути, иррациональной фобией.

В своём страхе смерти от тифа А. П. Чехов признаётся и другим знакомым: «Докторскую вывеску не велю вывешивать до сих пор, а всё-таки лечить приходится! *Бррр... Боюсь тифа!*», – пишет он М. В. Киселевой (П. 1, 261). «Сейчас получил известие, что мой недавно оженившийся коллега болен сыпным тифом и плох. Приглашают ехать к нему. Не поеду!!!!» (П. 2, 47). Силу эмоций и меру страха пишущего передают четыре восклицательных знака.

После Москвы тиф вскоре распространился и в Петербурге, где жил Александр Чехов со своей семьей. В марте 1887 года он вызывает брата-доктора к заболевшей тифом жене. А. П. Чехов пишет родным в Москву: «Ехал я, понятно, в самом напряженном состоянии. Снились мне гробы и факельщики, мерещились тифы, доктора и проч. Вообще ночь была подлая... <...> У Анны Ивановны настоящий брюшной тиф, но не тяжелый. Был у меня с доктором консилиум. Лечат по-моему. Доктор пригласил к себе в гости. Схожу. В Питере свирепствует брюшной тиф, весьма злокачественный. Лейкинский швейцар, длинный, узкий старик, которого Вы, Маша, помните, вчера умер от тифа. <...> *Мне страшно*» (П. 2, 35-36). Одним из средств преодоления фобии тифа для А. П. Чехова станет ирония, которая отчётлива в твор-

честве, но подчас проникает и в письма: «Сим извещаю, что я жив и здоров и тифом не заразился. Сначала я хандрил, ибо скучал и страшился безденежного будущего, но ныне чувствую себя *положительно и с характером*» (П. 2, 38). Выделенное выражение бытовало в семейном словаре Чеховых. Оно является репликой, скорее всего, из речи Павла Егоровича. Интонация цитирования отца семейства наполняла выражение иронической эмоционально-экспрессивной окраской [Кубасов 2016]. Обычно так аттестовали Ивана Павловича Чехова.

Переписка А. П. Чехова даёт возможность установить представления писателя о симптоматике тифа. Во многом она совпадает с современными научными взглядами на болезнь. Исследователь тифа пишет: «У 577 наблюдаемых больных из 23 симптомов наиболее частотными (у более чем 90% болеющих) выявлены следующие: 1. температура тела 39-40; 2. слабость; 3. головная боль; 4. снижение аппетита. 5. увеличение печени и селезенки» [Коваленко 2010: 12].

Болезнь брата-художника А. П. Чехов описывает по-врачебному точно: «Николай вчера и 3-го дня был серьезно и опасно болен. Появилась неожиданно обильная кровавая рвота, к<ото>рую едва удалось остановить. Отощал он на манер тифозного...» (П. 1, 265). Три года спустя об умирающем брате сообщается: «Тиф уже кончился (селезенка нормальна), но температура не бывает во весь день, даже утром, ниже 39» (П. 3, 192). «Весну и праздники встретил я невесело. Мой художник около 25 марта заболел брюшным тифом, формой сравнительно легкой, но осложнившейся верхушечным процессом. Тифозная температура зашлалила и в последние 5–6 дней перешла в ту зловещую, которой я всегда так боялся, когда лечил тификов с конституцией моего художника. Притупление в правой верхушке, выше и ниже ключицы, хрипы слышатся в двух местах соответственно двум гнездам. Похудание» (П. 3, 187).

Кроме Николая, тифом переболело ещё несколько членов семьи Чеховых, о чём сообщается в письмах: «Праздники я провел безобразно. Во-первых, были перебои; во-вторых, брат Иван приехал погостить и, бедняга, заболел тифом; в-третьих, после сахалинских трудов и тропиков моя московская жизнь кажется мне теперь

до такой степени мещанскою и скучною, что я готов кусаться...» (П. 4, 156). «Ты не поверил мне, что у меня была больна сестра. Я *никогда* (выделено А. П. Чеховым – А. К.) не вру. Сестра выздоровела только недавно. Брюшной тиф» (П. 5, 181).

Переписку А. П. Чехова достаточно часто сравнивают, а то и сближают с художественным творчеством. Основанием для этого служит единство личности писателя и близость используемых им дискурсивных практик. Тиф, подобно другим заболеваниям, в той или иной степени объективируется в письмах, становясь не только реальной, но в определённой степени и условной образной болезнью. В таком виде она может быть включена в художественные произведения. Условность образа тифа создаётся во многом за счёт иронии. Художественные элементы, связанные с тифом, в переписке А. П. Чехова выступают в форме инклюзий. «Погода у нас занимается проституцией. Хуже всякой пьяной бабы: <...> гниет, плюет... *Тифозно!*» (П. 1, 277). Манеру юмористических журналов А. П. Чехов стилизует в письме к В. В. Билибину зимой 1886 года: «Описывал я свой костюмированный вечер, бывший у меня 1-го янв<аря> (художники устраивали), писал, как одна девица поднесла мне фотограф<ический> альбом “в память избавления моего от тифа”... Последнее писал я не ради хвастовства, о нет! (Вы и без этого догадываетесь, что я великий медик), а ради напоминания (есть такое слово?) Вам об обещанной карточке... Пока вакансии не заняты, присылайте... *Альбом тифозный*, но даю слово, что Вы не заразитесь, – острота, которую посылаю даром» (П. 1, 183).

В контексте письма А. С. Суворину слово *тиф* выступает в функции эвфемизма. Кроме того, оно является знаком установления конвенциональных доверительных отношений между автором и получателем письма: «Вы пишете, что мой брат Александр “мудрит”. Что сие значит? Опять болен *амбулантным тифом?*» (П. 5, 230). А. М. Малахова в комментарии к письму объясняет смысл странной болезни: «Намек на запой Ал. П. Чехова» (П. 5, 492). Фрагмент другого письма нужно читать, имея в виду тот же эвфемистический смысл: «Пьяница Вам кланяется. Он живет теперь у меня и ведет трезвую жизнь. *Тифа у него не было*» (П. 3. 229). А. П. Чехов пишет в данном случае

не о тифе, а о трезвом поведении Александра, приехавшего на похороны брата Николая.

Условный «художественный тиф», в отличие от реального, предполагает и даже требует адекватных ему столь же условных лекарств, что отражает, например, письмо А. П. Чехова А. С. Киселеву с описанием «болезни» его сына: «Сережа сейчас просил пить. Я делаю распоряжение, чтобы утром его не пускали в гимназию. Утром прихожу наверх. Финик лежит под одеялом. Лицо красное, *temp.* 39°. Неохотно говорит, вял, слаб, жалуется на бессонницу и на головную боль. Мать в ужасе, сестра смотрит на меня громадными глазами... *Тиф? Дифтерит?* Экзаменую Финика и мать; оказывается, что вчера был соус из почек. *Даю касторки...* Вечером мой больной уже изображает следующее: 36,5°, на животе кошка; мышцы живота прыгают и подбрасывают кошку – это называется миной. Утром Финик уже прыгает и вешается всем на шею, как ни в чем не бывало» (П. 3, 37-38). Реальное и условное лекарства соседствуют в рецепте, который прописывается жене брата Александра: «Синяки, худоба и боль в суставах у Анны Ивановны свидетельствуют о малокровии, к<ото>рое обычно после тифа. Молоко и молоко. Недурно также железо. *T-rae ferri romati* на 15 коп., по 15 кап<ель> 3 раза в день, и горькие средства вроде *Elix. visceral<e>*, *Hoffmani* на 15 коп., по 20 кап<ель> перед обедом и ужином. Для блезире ноги можно растирать нашатыр<ным> спиртом в смеси с деревянным маслом. От малокровия могут отекают ноги. В случае отека лица и рук надо искать в моче белка. Хандра и апатия естественны» (П. 2, 89). Подробнее о рецептах доктора Чехова см.: [Кибальник 2018].

Преодолению А. П. Чеховым страха тифа поможет смерть брата Николая. Ф. О. Шехтелю сообщается: «Вчера, 17-го июня, умер от чахотки Николай. Лежит теперь в гробу с прекраснейшим выражением лица. Царство ему небесное, а Вам, его другу, здоровья и счастья» (П. 3, 225). К этому времени А. П. Чехов-врач вполне осознавал и себя больным туберкулезом. Как следствие, признания в боязни тифа из писем исчезают. Тиф становится в общий ряд условных болезней: «Страдающий инфлуэнцею, осложненною месопотамской чумой, сапом, гид-

рофобией, импотенцией и тифами всех видов, сим имеет честь уведомить нашего маститого поэта Н. О., что стихотворения его, в которых я и все мои ближние обозваны пошлыми и жалкими людьми, будут напечатаны в “Живописном обозрении” в начале января 1890 г.», – пишет он Н. Н. Оболонскому (П. 3, 296).

Окончательно страх смерти от тифа исчезнет весной 1897 года, когда у А. П. Чехова обострится туберкулезный процесс. Лидии Авиловой 24 марта 1897 года сообщается: «Вот Вам моё преступное *cuticulum vitae*: В ночь под субботу я стал плевать кровью. Утром поехал в Москву. В 6 часов поехал с Сувориным в Эрмитаж обедать и, едва сели за стол, как у меня кровь пошла горлом форменным образом» (П. 6, 313). На следующий день сообщается Н. Н. Оболонскому: «Идет кровь. Больш. моск. гост., № 5» (П. 6, 313).

Кроме писем, где упоминается реальный тиф, стоит ещё отметить и публицистику А. П. Чехова. Публицистический дискурс, как и эпистолярный, предполагал преимущественно модус прямого говорения, не окрашенного иронией. Так пишется о тифе в книге «Остров Сахалин»: «Что касается тифов, то в отчете брюшной был зарегистрирован 23 раза со смертностью в 30%, возвратный же и сыпной по 3 раза, без смертных случаев. В метрических книгах смерть от тифов и горячек показана 50 раз, но всё это единичные случаи, разбросанные по книгам всех четырех приходов на протяжении десяти лет. Ни в одной корреспонденции я не встречал указания на тифозные эпидемии и, по всей вероятности, их не было. <...> Мне лично ни разу не пришлось видеть на Сев<ерном> Сахалине брюшного тифа, хотя я обошел там все избы и бывал в лазаретах; некоторые врачи уверяли меня, что этой формы на острове нет вовсе, и она осталась у меня под большим сомнением. Что же касается возвратного и сыпного тифа, то все случаи, до сих пор бывшие на Сахалине, я отношу к привозным, как скарлатину и дифтерит; надо думать, что острые инфекционные болезни до сих пор находили на острове почву, неблагоприятную для своего развития» (С. 14-15, 360). Без грана иронии говорится о тифе и в чеховском медицинском отчете по Мелиховскому участку за 1892 год (С. 16, 360). Совсем другая картина складывается в творчестве писателя.

***

Если в эпистолярном наследии писателя речь идёт о тифе как таковом, то применительно к творчеству нужно говорить об *образе тифа* и его смысловом и символическом наполнении. Образ тифа связан со сменой очерёдности семантики: естественнонаучное медицинское содержание болезни отступает на второй план, а на первый выходит художественный смысл.

Как деталь образа тифа впервые встречается в рассказе «Живой товар», опубликованном летом 1882 в газете «Мирской толк». Двадцатидвухлетний А. П. Чехов был в это время студентом медицинского факультета Московского университета. Он молод и здоров. Болезни для него, в том числе и тиф, – пока лишь предмет изучения. В рассказе раскрывается достаточно банальная ситуация: герой получает письмо от своей сбежавшей любовницы. Прочитав его, «Грохольский целую неделю слонялся вокруг дачи как безумный, не ел, не спал. В августе он перенес *возвратный тиф*, а в сентябре укатил за границу» (С. 1, 389). Первое упоминание болезни симптоматично: фактически тиф и любовь сближены как два болезненных состояния. Для возвратного тифа характерны повторяющиеся приступы высокой температуры. Очевидно, что герой, вылечившийся от возвратного тифа, уехал за границу «лечиться» и от своей любви.

Художественно-изобразительный смысл имеет упоминание тифа в рассказе-сценке «Справка» (1883), где описывается присутственное место и чиновник: «Там за зеленым, *пятнистым, как тиф*, столом сидел молодой человек с четырьмя хохлами на голове, длинным угреватым носом и в полинялом мундире» (С. 2, 225). Народное название брюшного тифа – «горячка с пятнами». Это выражение должен актуализировать читатель «Осколков», где был впервые опубликован рассказ. В приведённой фразе использован один из приёмов юмористики, суть которого в персонификации предметного мира и противопоставлении ему овеществлённого мира людей.

Иронией окрашено упоминание тифа в рассказе «Наивный леший» (1884). Описывая себя в роли доктора, леший говорит: «Сначала мне повезло. *Дифтериты, знаете ли, тифы...* Хотя я и не увеличил процента смертности, но все-таки был замечен»

(С. 2, 345). Две упомянутые болезни чреватые смертельным исходом, но в рассказе они лишены мортальной коннотации и приобретают характер игры со смертью, которая для лешего, по понятным причинам, вовсе не страшна.

В 1886-1887 гг. А. П. Чехов наиболее остро испытывает страх смерти от тифа, что обусловлено общей эпидемической ситуацией в Москве и Петербурге, а также поездкой к брату в столицу для лечения его жены.

В качестве художественной энциклопедии тифа можно рассматривать рассказ «Тиф» (1887).

Готовя к изданию сборник «Рассказы», А. П. Чехов определяет порядок расположения входящих в него произведений. Открывает сборник рассказ «Счастье», а следом за ним идёт «Тиф» (П. 2, 216, 476), что в контексте книги прочитывается как контрастный первому произведению вариант несчастья.

Рассказ впервые был опубликован в «Петербургской газете» в марте 1887 года, вскоре после возвращения А. П. Чехова из поездки в столицу к заболевшей тифом жене брата Александра. Автор начинает свой рассказ традиционно – с указания на место действия и представления главного героя: «В почтовом поезде, шедшем из Петербурга в Москву, в отделении для курящих, ехал молодой поручик Климов» (С. 6, 130). Подобно тому, как Л. Н. Толстой в «Смерти Ивана Ильича» (1886) пытался воссоздать внутренний мир умирающего человека, передав сложную гамму его чувств и переживаний, так и доктор А. П. Чехов пытается передать мировосприятие тяжело заболевшего человека изнутри его сознания. В данном случае А. П. Чехов, очевидно, продолжает творчески разрабатывать художественное открытие Л. Н. Толстого.

Климов едет в отделении для курящих, поэтому, скорее всего, и сам относится к их числу. Но он не курит, потому что плохо чувствует себя. Более того, у него настолько обострено обоняние, что сосед, курящий трубку, вызывает у поручика острое неприятие: «Климов, которому нездоровилось и тяжело было отвечать на вопросы, ненавидел его всей душой. Он мечтал о том, что хорошо бы вырвать из его рук сипешую трубку и швырнуть ее под диван, а самого чухонца прогнать куда-нибудь

в другой вагон» (С. 6, 130). Безличный повествователь передаёт изменение сенсорных систем заболевшего человека, однако ещё не подозревающего о том, что он болен, но испытывающего дискомфорт. «Вообще офицер чувствовал себя ненормальным. Руки и ноги его как-то не укладывались на диване, хотя весь диван был к его услугам, во рту было сухо и липко, в голове стоял тяжелый туман; мысли его, казалось, бродили не только в голове, но и вне черепа, меж диванов и людей, окутанных в ночную мглу. Сквозь головную мусть, как сквозь сон, слышал он бормотанье голосов, стук колес, хлопанье дверей. Звонки, свистки кондуктора, беготня публики по платформе слышались чаще, чем обыкновенно. Время летело быстро, незаметно, и потому казалось, что поезд останавливался около станции каждую минуту, и то и дело извне доносились металлические голоса...» (С. 6, 130). На языке медицины данный фрагмент можно было бы назвать *анамнезом болезни*, который собирает врач для установления точного диагноза и выбора лечения. Но этот анамнез представлен в художественной форме, через набор образов, а роль доктора возложена автором во многом на читателя. Когнитивные процессы в сознании больного искажены. Сенсорные системы смещены: обострено обоняние, утрачен вкус. Климов, очевидно, лежит на диване с закрытыми глазами, но не спит, а дремлет, находится в полузабытьи. При этом слух его обострён и не может полностью отключиться.

Можно догадаться, что у поручика высокая температура, поэтому ему хочется пить: «В [Спирове](#) он вышел на станцию, чтобы выпить воды». При этом аппетит у больного отсутствует: «Он видел, как за столом сидели люди и спешили есть. “И как они могут есть!” – думал он, стараясь не нюхать воздуха, пахнущего жареным мясом, и не глядеть на жующие рты, – то и другое казалось ему противным до тошноты» (С. 6, 131).

Пространство и время как основные координаты существования человека тоже сдвигаются и искажаются в сознании больного: «Время летело быстро, скачками, и казалось, что звонкам, свисткам и остановкам не будет конца. Климов в отчаянии уткнулся лицом в угол дивана, обхватил руками голову и стал опять думать о сестре Кате и денщике Павле, но сестра и ден-

щик смешались с туманными образами, завертелись и исчезли. Его горячее дыхание, отражаясь от спинки дивана, жгло ему лицо, ноги лежали неудобно, в спину дуло от окна, но, как ни мучительно было, ему уж не хотелось переменять свое положение... Тяжелая, кошмарная лень мало-помалу овладела им и сковала его члены» (С. 6, 132). Напомним фразу из письма А. П. Чехова брату Александру по поводу настроения его жены, болеющей тифом, – «хандра и апатия естественны». То, что в письме укладывалось в одну фразу, в рассказе разрастается в детальную образную картину.

Потеря сознания Климовым обозначена резкой сменой обстановки. Начало *острой фазы болезни* отмечено набором образов, смешавшихся в сознании заболевшего в один клубок: «Чухонец, красная фуражка, дама с белыми зубами, запах жареного мяса, мигающие пятна заняли его сознание, и уже он не знал, где он, и не слышал встревоженных голосов» (С. 6, 133). Провал в сознании героя позволяет автору рассказа резко сменить пространственно-временные координаты, а также специально не объяснять произошедшее в промежутке между сознательным и бессознательным состояниями больного. Нарративная техника этого фрагмента строится на объединении трёх сознаний: героя, подключённого к нему читателя и, в качестве посредника между ними, безличного повествователя.

А. П. Чехов оставляет смысловые лакуны, рассчитывая на творческую активность читателя. Так, он не пишет прямо о потере сознания Климовым. Догадаться об этом может читатель, которому доступно сознание больного: «*Очнувшись*, он увидел себя в своей постели, раздетым, увидел графин с водой и Павла, но от этого ему не было ни прохладнее, ни мягче, ни удобнее» (С. 6, 133).

Как ни парадоксально, но А. П. Чехов и в рассказе о смертельно опасном тифе не обошёлся без иронии. Она связана не с главным героем, так как он изображается преимущественно изнутри своего сознания, а с эпизодическим образом доктора, который показан извне, с точки зрения больного поручика. Врачебные действия доктора не сопровождаются ожидаемыми словами «лечил» или «выписал рецепт» и т.д. Пародий-

ный доктор только «суетился» возле кровати больного, а речь его сведена по существу к двум междометиям с нулевой семантикой: «Доктор называл Климова юношей, вместо “так” говорил “тэк”, вместо “да” – “дэ”...

– Дэ, дэ, дэ, – сыпал он. – Тэк, тэк... Отлично, юноша... Не надо унывать!» (С. 6, 133).

Другой важный эпизодический герой в рассказе – отец Александр. Будучи полковым священником, он находится, по логике вещей, где-то в Петербурге, где служит Климов. Но поручик видит его как бы воочию. О нём говорится сразу же после перечисления всех образов, мелькающих в воспалённом сознании больного: «Тут были: Павел, чухонец, штабс-капитан Ярошевич, фельдфебель Максименко, красная фуражка, дама с белыми зубами, доктор. Все они говорили, махали руками, курили, ели. Раз даже при дневном свете Климов видел своего полкового священника о. Александра, который в епитрахили и с требником в руках стоял перед кроватью и бормотал что-то с таким серьезным лицом, какого раньше Климов не наблюдал у него» (С. 6, 134). Скорее всего, перед Климовым действительно стоял какой-то священник, которому больное сознание тифозного придало внешность знакомого лица. Повествователь занимает двойную позицию: ему доступно сознание больного и вместе с тем он может находиться вне его. Двойность позиции позволяет о многом говорить намёком. Так, замечание о том, что полуреальный, полувоображаемый отец Александр перекрестил Климова, можно интерпретировать следующим образом: находящегося между жизнью и смертью поручика соборовали, для чего и пригласили священника. Тем самым *кризис болезни* отмечен художественным минус-приёмом. Другой аспект амбивалентности образа отца Александра связан с гетерогенной интонацией рассказа. Священник характеризуется как «человек смешливый и веселый», но ведёт он себя серьёзно. Если доктор полагает, что судьба заболевшего зависит от выбранного им курса лечения, то священник видит в этом волю Бога, зависимость человека от судьбы. Фактически «плотный чернобородый доктор», сыплющий «дэ, дэ, дэ», и «смешливый» отец Александр являются парными героями, дополняющими друг друга и

определяющими перспективы выздоровления больного. Автор не отдаёт предпочтения ни тому ни другому, занимая диалогическую позицию.

Вслед за кризисом болезни следует её *разрешение*. А. П. Чехов даёт два возможных варианта разрешения: благополучный и драматический. Первый реализует Климов, драматический – его сестра Катя.

Смерть сестры Кати передана не с точки зрения безличного повествователя, а с позиции находящегося в полубессознательном состоянии Климова. Тем самым смерть оказывается остранена и потому не страшна: «Тень сестры становилась на колени и молилась: она кланялась образу, кланялась на стене и ее серая тень, так что богу молились две тени. Всё время пахло жареным мясом и трубкой чухонца, но раз Климов почувствовал резкий запах ладана. Он задвигался от тошноты и стал кричать:

– Ладан! Унесите ладан!

Ответа не было. Слышно было только, как где-то негромко пели священники и как кто-то бегал по лестнице» (С. 6, 134). Сдвиг по времени мотивирован чередованием сознательного и бессознательного состояния больного Климова: он не осознаёт смерти сестры, но реагирует на запах ладана, который курят во время панихиды. Она должна проводиться в церкви, но может совершаться и в доме умершего. Это тем более объяснимо в случае смерти человека от заразного тифа.

Отметим биографическую подоплёку рассказа, связанную с сестрой писателя. В образе Кати присутствует одна деталь. Сказано, что она «готовится к учительскому экзамену» (С. 6, 133). Мария Павловна, как известно, была учительницей в гимназии Ржевской. Два года спустя после написания рассказа Мария Павловна переболела тифом: «Сестра лежит. Утром и вечером t° повышена. Что-то тифоидное. Вся моя квартира превратилась в госпиталь» (II. 3, 302). В отличие от героини «Тифа», сестра А. П. Чехова благополучно выздоровела.

Последний этап болезни – *восстановление*. Выздоровливающий после тифа Климов испытывает сложную гамму самых разных чувств. Он остро переживает смерть сестры: «Эта

страшная, неожиданная новость целиком вошла в сознание Климова, но, как ни была она страшна и сильна, она не могла побороть животной радости, наполнявшей выздоравливающего поручика. Он плакал, смеялся и скоро стал браниться за то, что ему не дают есть.

Только спустя неделю, когда он в халатишке, поддерживаемый Павлом, подошел к окну, поглядел на пасмурное весеннее небо и прислушался к неприятному стуку старых рельсов, которые провозили мимо, сердце его сжалось от боли, он заплакал и припал лбом к оконной раме.

– Какой я несчастный! – забормотал он. – Боже, какой я несчастный!

И радость уступила свое место обыденной скуке и чувству невозвратимой потери» (С. 6, 136).

Весной 1890 года, отвечая на критику А. С. Суворина по поводу рассказа «Воры», А. П. Чехов сформулирует своё кредо и объяснит технику письма, ранее реализованную им в «Тифе»: «...чтобы изобразить конокрадов в 700 строках, я всё время должен говорить и думать в их тоне и чувствовать в их духе, иначе, если я подбавлю субъективности, образы расплывутся и рассказ не будет так компактен, как надлежит быть всем коротеньким рассказам. Когда я пишу, я вполне рассчитываю на читателя, полагая, что недостающие в рассказе субъективные элементы он подбавит сам» (П. 4, 54).

Таким образом, доктором А. П. Чеховым в рассказе отражены все этапы болезни. Вынесенное в заглавие слово *тиф* непосредственно в тексте рассказа встречается лишь дважды: в ответе тетки на вопрос о болезни самого Климова и на вопрос о сестре Кате. Во время течения болезни герой не может осознавать свою болезнь, что доступно для тех, кто находится извне. Помимо других персонажей, это ещё и главные участники эстетического события рассказа – автор и читатель. Подключив на манер Л. Н. Толстого к сознанию героя сознание читателя, А. П. Чехов тем самым как бы и его «излечивает» от тифа. Художественная телеология рассказа заключается в изживании страха смерти от тифа автором и вместе с ним читателем.

После «Тифа» столь же детальное описание этой болезни у А. П. Чехова больше не встретится. Однако тиф весь XIX век продолжал оставаться распространённой болезнью. Поэтому образ тифа по-прежнему будет встречаться в последующих произведениях писателя («Жена», «Палата № 6», «Моя жизнь»).

В драматургии адекватно передать образ болезни труднее, чем в прозе. Для её отражения нужна фигура доктора. В «Иванове» доктор Львов и в «Трёх сестрах» доктор Чебутыкин о тифе не вспоминают. А вот в «Дяде Ване» Астров, остро чувствующий современные социальные проблемы, не может обойти стороной смертельно опасную болезнь:

А с т р о в . В Великом посту на третьей неделе поехал я в Малицкое на эпидемию... *Сыпной тиф*... В избах народ вповалку... Грязь, вонь, дым, телята на полу, с больными вместе... Поросята тут же... (С. 13. 64).

Тиф сопутствует народному неблагополучию. Цепочка номинативных предложений, употребляемых в речи Астровым, создаёт картины, которые читатель должен представить. Контрастным примером доктору служит нянька Марина, которая достаточно равнодушно реагирует на драматический монолог Астрова: «Может, ты кушать хочешь?» (С. 13, 64).

В другой речи доктора тиф обретает глобальный характер, становясь одним из символов общего неблагополучия русской жизни:

А с т р о в . Да, я понимаю, если бы на месте этих истребленных лесов пролегли шоссе, железные дороги, если бы тут были заводы, фабрики, школы, – народ стал бы здоровее, богаче, умнее, но ведь тут ничего подобного! *В уезде те же болота, комары, то же бездорожье, нищета, тиф, дифтерит, пожары*... (С. 13, 95).

Обратим внимание на выстраиваемый Астровым синонимический ряд. Его отличает расположение элементов в климаксе, от простого к более сложному, от менее опасного к смертельно опасному. Особенностью синонимического ряда является определённая смысловая эквивалентность составляющих его элементов, поэтому слово *тиф* теснее всего связано со словами *нищета* и *дифтерит*.

Сохранится в зрелых произведениях А. П. Чехова и иронический образ тифа. Приведём пример из повести «Дуэль» (1891): «Вот извольте жить и дело делать с такими господами! – сказал зоолог и в негодовании швырнул ногой в угол какую-то бумагу. – Пойми же, что это не доброта, не любовь, а малодушие, распущенность, яд! Что делает разум, то разрушают ваши дряблые, никуда не годные сердца! *Когда я гимназистом был болен брюшным тифом, моя тетушка из сострадания обжарила меня маринованными грибами, и я чуть не умер.* Пойми ты вместе с тетушкой, что любовь к человеку должна находиться не в сердце, не под ложечкой и не в поясице, а вот здесь!» (С. 7, 411). Для тётушки фон Корена Эрос и Танатос противостоят друг другу, любовь и сострадание должны помочь племяннику-гимназисту выздороветь от тифа. Парадокс заключается в том, что более реальной причиной возможной смерти, с точки зрения фон Корена, оказывается не тиф, а вкусные маринованные грибы. По сути, тётушка, сама того не ведая, использует условное «лекарство» от тифа и тем самым дискредитирует опасную болезнь.

Заразилась тифом Марфа, жена Якова Иванова («Скрипка Ротшильда», 1892). Фельдшер, подобно тётушке фон Корена, даёт Якову рецепт, не имеющий практически никакого отношения к лечению болезни Марфы: «Ну, так вот, любезный, будешь прикладывать ей на голову холодный компресс и давай вот эти порошки по два в день. А за сим досвиданция, бонжур.

По выражению его лица Яков видел, что дело плохо и что уж никакими порошками не поможешь; для него теперь ясно было, что Марфа помрет очень скоро, не сегодня-завтра. Он слегка толкнул фельдшера под локоть, подмигнул глазом и сказал вполголоса:

– Ей бы, Максим Николаич, банки поставить.

– Некогда, некогда, любезный. Бери свою старуху и уходи с богом. Досвиданция» (С. 8, 300). Доктор А. П. Чехов уравнивает медицинское мастерство фельдшера и Якова, наивно полагающего банки универсальным лекарственным средством. Смеховое начало не может скрыть серьёзности вопроса о жизни и смерти человека, тем самым эпизод приобретает амбивалентный серьёзно-смеховой характер.

В своём творческом завещании, рассказе «Архиерей» (1902), А. П. Чехов в последний раз обратился к образу тифа. Именно от этой болезни, а не от какой-то иной умирает заглавный герой: «Преосвященный не спал всю ночь. А утром, часов в восемь, у него началось кровотечение из кишок. Келейник испугался и побежал сначала к архимандриту, потом за монастырским доктором Иваном Андреичем, жившим в городе. Доктор, полный старик, с длинной седой бородой, долго осматривал преосвященного и всё покачивал головой и хмурился, потом сказал:

– Знаете, ваше преосвященство? *Ведь у вас брюшной тиф!*» (С. 10, 199-200).

Преосвященный Пётр во многом проецируется на самого автора рассказа. Жизнь героя обрывает болезнь, от которой писатель когда-то сам боялся умереть. Так завершается история страха смерти от тифа и его изживания А. П. Чеховым.

Подведём итог. Медицинский дискурс, связанный с образом тифа, возник в ранних произведениях А. П. Чехова и, видоизменяясь, прошёл через всё его творчество. Диффузия художественного и медицинского типов письма, встречающаяся в некоторых письмах писателя, станет одной из определяющих примет его творчества и будет углубляться и варьироваться на протяжении длительного времени. Тиф занимает особое место в перечне болезней, о которых писал А. П. Чехов. Эта инфекционная болезнь была особенно страшна из-за своей случайности, возможности легко и незаметно заразиться ею. А. П. Чехов открыто признавался в страхе тифа, но вместе с тем старался преодолевать его, потому что страх всегда влечёт за собой ограничение внутренней и внешней свободы человека. Свобода для А. П. Чехова, по словам М. П. Громова, «не лирический идеал, не возвеличенный и оплаканный призрак, а замысел и задача, которую нужно решить» [Громов 1993: 225]. Решением этой жизненно важной задачи стало творчество А. П. Чехова.

ЛИТЕРАТУРА

Бобин А. Н. Патологическая анатомия и патогенез тяжелых форм брюшного тифа : автореф. дис. ... доктора медицинских наук. М., 2005. 42 с.

Вересаев В. В. Записки врача // Полн. собр. соч. : в 4-х тт. Т. 1. М. : Правда, 1985. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/w/weresaeuw_w_w/text_0030.shtml

Громов М. П. Чехов. М. : Молодая гвардия, 1993. 394 с.

Даниэл М. Тайные тропы носителей смерти. Пер. с чеш. /Под ред. Б. Л. Черкасского. М. : Прогресс, 1990. 416 с.

Кибальник С. А. Записная книжка А. П. Чехова с рецептами для больных (вступительная статья, подготовка текста и комментарии) // Русская литература. 2018. № 2. С. 194-211.

Коваленко А. Н. Клинико-патоморфологическая характеристика и этиотропная терапия брюшного тифа : автореф. дис. ... доктора медицинских наук. СПб., 2010. 36 с.

Кубасов А. В. Особенности функционирования семейного словаря в рассказах А. П. Чехова // Язык художественной литературы : традиционные и современные методы исследования. Сб. науч. статей по материалам международной конференции памяти Н. А. Кожевниковой. М. : Азбуковник. С. 204-213.

МКБ-10. Международная классификация болезней 10-го пересмотра. [Электронный ресурс] URL: <https://mkb-10.com/index.php?pid=4237> (дата обращения 16.09.2021).

Труды V Съезда Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова. Т.1. СПб, 1894. 712 с.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М. : Наука, 1983-1988.

Шубин Б. М. Доктор А. П. Чехов. М. : Знание, 1982. 176 с.

Traunmüller K. H. M. По следам Гиппократы – образ героя-врача в произведениях А. П. Чехова и В. В. Вересаева. Магистерская диссертация. Wien, 2010. 251 s. [Электронный ресурс] URL: <https://core.ac.uk/download/11591184.pdf> (дата обращения 27.09.2021).

REFERENCES

Bobin A. N. Patologicheskaya anatomiya i patogenez tyazhelykh form bryushnogo tifa : avtoref. dis. ... doktora meditsinskikh nauk. M., 2005. 42 s.

Veresaev V. V. Zapiski vracha // Poln. sobr. soch. : v 4-kh tt. T. 1. M. : Pravda, 1985. [Elektronnyy resurs] URL: http://az.lib.ru/w/weresaew_w_w/text_0030.shtml

Gromov M. P. Chekhov. M. : Molodaya gvardiya, 1993. 394 s.

Daniel M. Taynye tropy nositeley smerti. Per. s chesh. /Pod red. B. L. Cherkasskogo. M. : Progress, 1990. 416 s.

Kibal'nik S. A. Zapisnaya knizhka A. P. Chekhova s retseptami dlya bol'nykh (vstupitel'naya stat'ya, podgotovka teksta i kommentarii) // Russkaya literatura. 2018. № 2. S. 194-211.

Kovalenko A. N. Kliniko-patomorfologicheskaya kharakteristika i etiotropnaya terapiya bryushnogo tifa : avtoref. dis. ... doktora meditsinskikh nauk. SPb., 2010. 36 s.

Kubasov A. V. Osobennosti funktsionirovaniya semeynogo slovary v rasskazakh A. P. Chekhova // Yazyk khudozhestvennoy literatury : traditsionnye i sovremennye metody issledovaniya. Sb. nauch. statey po materialam mezhdunarodnoy konferentsii pamyati N. A. Kozhevnikovoy. M. : Azbukovnik. S. 204-213.

MKB-10. Mezhdunarodnaya klassifikatsiya bolezney 10-go peresmotra. [Elektronnyy resurs] URL: <https://mkb-10.com/index.php?pid=4237> (data obrashcheniya 16.09.2021).

Trudy V S"ezda Obshchestva russkikh vrachey v pamyat' N. I. Pirogova. T.1. SPb, 1894. 712 s.

Chekhov A. P. Poln. sobr. soch. i pisem : v 30 t. M. : Nauka, 1983-1988.

Shubin B. M. Doktor A. P. Chekhov. M. : Znanie, 1982. 176 s.

Traunmüller K. H. M. Po sledam Gippokrata – obraz geroya-vracha v proizvedeniyakh A. P. Chekhova i V. V. Veresaeva. Magisterskaya dissertatsiya. Wien, 2010. 251 s. [Elektronnyy resurs] URL: <https://core.ac.uk/download/11591184.pdf> (data obrashcheniya 27.09.2021).